

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Е.М.Черноиваненко

(доктор филологических наук, профессор,
Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова)

У цій статті обґрунтовується ідея про неможливість існування історії літератури як самостійної і самодостатньої літературознавчої дисципліни.

In this article is founding the idea of the impossibility of existence of the literary history as self-dependent and self-contained branch of science.

В сколько-нибудь заметном виде идея писать курсы истории литературы проявляет себя во 2-й половине XVIII века, а традицией становится через столетие, вскоре после того, как происходит дифференциация дотеле единой филологии на лингвистику и литературоведение и возникает само название нашей науки в форме кальки с немецкого слова *Literaturwissenschaft*. Возможно, именно написание всё более многочисленных и разнообразных курсов истории литературы подвигло литературоведение к осознанию своей неоднородности, ощутить наличие разных своих «Я». Этих «Я» могло быть два, три, четыре или даже больше, но обязательными и главными всегда были история литературы и теория литературы. Прорекларировав это, литературоведение должно было чётко сформулировать, что же является объектом и предметом, а также основным заданием каждой из этих научных дисциплин. И поначалу оно говорило об этом вполне уверенно (не считаю необходимым приводить соответствующие цитаты из всем известных учебников), но с течением времени уверенность стала заметно иссякать.

В отечественном литературоведении, наверное, первым из тех, кто вместо категоричности почувствовал здесь проблематичность, был Ю.М.Лотман, который в одной из работ начала 70-х годов заметил, что история литературы «в чистом виде» представляет собой перечень авторов, названий произведений и дат их написания. Если литература – это совокупность отдельных произведений, а «история литературы изучает литературные явления, события, факты, имена с точки зрения их движения во времени и пространстве» (1, 9), то о каком движении во времени и пространстве можно говорить применительно к отдельным произведениям? Что именно имеется в виду? Произведение написано, завершено, в дальнейшем оно не изменяется, его текст остаётся стабильным. Со временем меняется его восприятие, меняются его интерпретации. Можно написать их историю, но будет ли это история **литературы?**

Уже тогда над такими вопросами следовало задуматься не столько структуралисту Ю.М.Лотману, сколько ревнителям методологического благочестия, но тогдашняя наука научность видела в догматичности, а догмы не предполагают сомнений в своей истинности.

Западное литературоведение было куда менее догматичным уже в силу различия исповедуемых методологий и потому гораздо раньше ощутило и начало осмысливать ключевые проблемы истории литературы. Убедительным свидетельством тому может служить авторитетнейший в англоязычном мире учебник теории литературы Рене Уэллека и Остина Уоррена, впервые изданный в 1947 г. Методологические проблемы истории литературы рассматриваются здесь достаточно подробно и совсем по-иному, чем в советской науке о литературе. Для нас история литературы часто представляла собой историю жанров. Уоррен и Уэллек в связи с этим писали: «... а есть ли смысл в истории жанров? До сих пор на этот вопрос принято было отвечать отрицательно: во-первых, невозможно установить точку отсчёта, норму (если в трагедии взять за точку отсчёта трагедии Шекспира, то это значило бы недооценить древнегреческую трагедию или французскую классическую трагедию); во-вторых, история без философии будет всего лишь хроникой. Как первое, так и второе возражения вполне справедливы» (2, 254).

Вообще, уже сама возможность создания литературной истории представлялась отцам современной американской теории литературы весьма сомнительной. Раздел «Литературная история» в их учебнике открывается словами: «Прежде всего реальна ли сама мысль написать литературную историю, чтобы это была и «литературная» и «история»? Нужно признать, что в большей своей части истории литературы на поверку выходят либо историей общественной жизни, либо историей общественной мысли с иллюстрациями из области литературы, либо представляют собой собрание впечатлений и суждений по поводу тех или иных произведений, расположенных в более или менее хронологической

последовательности» (2, 269). И ещё: «Большинство наиболее примечательных историй литературы являются либо историями цивилизации, либо сборниками критических эссе. Первые нельзя назвать историей *искусства*, вторые – историей искусства. Отчего же до сих пор не было предпринято сколько-нибудь значительной попытки представить эволюцию литературы как вида искусства? Разумеется, сыграло роль то обстоятельство, что предварительный анализ произведений искусства делался непоследовательно, без единой системы. Либо мы довольствуемся критериями старой риторики, которая скользит по поверхности явлений, либо хватаемся за эмотивный язык и описываем действие, произведённое в душе читателя фактом искусства, причём выражаем наши соображения понятиями, никак не соотносящимися с самим произведением искусства» (2, 270-271).

Отмеченную известными теоретиками бессистемность истории литературы легко можно проиллюстрировать примерами, скажем, из академической «Истории русской литературы», изданной в 4-х томах в начале 80-х годов. Здесь часто бросается в глаза одна и та же ситуация, очень характерная для коллективно написанных курсов истории литературы: рассматривая разные периоды развития данной национальной литературы, разные учёные сосредоточивают своё внимание лишь на отдельных и – что важнее – на **разных** явлениях. Возьмём наугад две главы: в главе, посвящённой литературе 1730-х – начала 1760-х годов, Г.Н.Моисеева и Ю.В.Стенник говорят о соотношении литературных направлений, специфике литературного характера, особенностях художественного обобщения, изменениях в языке литературы; в главе же, посвящённой литературе 1780-х-1790-х годов, Ю.В.Стенник и Н.Д.Кочеткова ведут речь об изменениях в отдельных жанрах, о развитии комической оперы, о специфике историзма и новациях в драматургии. Если же сравнить главы, посвящённые литературе более отдалённых одна от другой эпох, то найти в них общие параметры литературного процесса часто просто невозможно. Вследствие такого разноречия отдельные периоды в развитии данной национальной литературы оказываются просто несопоставимыми, а посему едва ли возможно увидеть какую-либо сквозную логику развития данной литературы. Но ведь именно выявление такой логики обычно считается главной задачей истории литературы.

Если раньше каждый учебник по введению в литературоведение открывался главой о составе последнего и о том, что же именно изучают теория литературы, история литературы и литературная критика, то теперь картина выглядит совсем иначе. Авторы немецкого учебника по введению в литературоведение, вышедшего первоизданием в 1995 г. в Штутгарте, с большим скепсисом отвечают на вопросы, самые формулировки которых достаточно красноречивы: «Возможна ли история литературы?» и «Устарела ли история литературы?» (3). Американец Джонатан Каллер в своей ныне очень популярной книжке «Теория литературы: Очень краткое введение» (первое издание – 1997 г.) детально рассматривает вопрос о том, что же представляет собой теория литературы, но вообще не упоминает историю литературы.

Этим же путём в последние годы пошли и авторы российских университетских учебников. В учебнике «Теория литературы» (издание 3-е, М.: Высшая школа, 2002) В.Е.Хализев во Введении пишет о том, что представляет теория литературы, но при этом вовсе не касается истории литературы. Нет даже упоминания об этом вопросе в учебнике по теории литературы Т.Давыдовой и В.Пронина (М.: Логос, 2003). Нет и попытки соотнести теорию и историю литературы в фундаментальной двухтомной «Теории литературы» под редакцией Н.Д.Тамарченко (М.: Академия, 2004). Ничего не сказано об этом в учебнике по теории литературы Э.Фесенко, изданном в 2008 г. (Академический проект). В учебнике по введению в литературоведение (под ред. Л.В.Чернец, изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 2004) вообще не рассматривается проблема структуры литературоведения и соотношения теории и истории литературы. Складывается впечатление, что литературоведение утратило надежду решить вопрос о том, что же представляет собой история литературы, и просто прекратило рассматривать его, словно он перестал существовать.

Окончательно подрывают веру в возможность решения проблемы всё чаще встречающиеся достаточно резонные утверждения литературоведов о том, что отдельные эпохи в истории литературы вообще несопоставимы, ибо литература в разные эпохи (и/или в разных регионах) могла обладать разной природой. Одним из первых эту идею обосновал С.С.Аверинцев в известной статье «Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (Противостояние и встреча двух творческих принципов)» (1971). Идея эта вполне применима и к русской литературе. Так, в известном академическом сборнике «Литературоведение как проблема» (М., 2001) сотрудник Института литературы имени Я.Купалы НАН Беларуси Л.В.Левшун в статье «К вопросу о взаимоотношении традиций средневековой церковной книжности и литературы нового времени» убедительно доказывает, что церковная литература до никоновской реформы совершенно никак не связана со светской литературой послепетровской эпохи, а потому их объединение в рамках единой истории русской литературы невозможно, что было очевидно некоторым литературоведам ещё в конце XIX столетия. В связи с этим вспоминается известный

французский искусствовед Пьер Франкастель, который считал варварством выставлять в одном музее иконы и картины светской живописи и потому называл европейские музеи «храмами бескультурья».

Но дело не только в религиозности и светскости. Художественная литература XIX–XX веков всеми главными особенностями своей природы принципиально отличается от риторичной литературы предыдущих столетий даже при условии светскости обеих. Сама природа слова и стиля, жанра и авторства, идеи и рецепции в каждом из типов литературы своя, различными должны быть и критерии их оценки (см.: 4). Создавая единую, сквозную, от древности до современности, историю литературы, мы игнорируем эти отличия, делаем всю литературу литературой одной – универсальной – природы, а потому так легко прибегаем к сравнению литератур разных эпох на основе единых критериев. Мы забываем о том, что гусеница, превращаясь в бабочку, перестаёт быть собой. Выискивать в литературе риторического типа психологизм, историзм, художественность – то же самое, что выискивать у гусеницы крылья бабочки.

А.В.Михайлов в своей известной работе «Несколько тезисов о теории литературы» отмечал: «Что такое литература, какую мы имеем в виду, когда говорим о науке о литературе, действительно неизвестно, хотя бы потому, что объем того, что относится к «литературе» в каждую из рассматриваемых в науке о литературе эпох ее истории, всякий раз различен. ... «Литература» – это, далее, одно из слов, которые в настоящий исторический час должны быть, наряду с остальными основными словами науки о литературе и наук о культуре, подвергнуты историческому анализу» (5, 251). К этим «основным словам» относятся, думается, все основные понятия из словаря литературоведческих терминов.

Цитируемая статья А.В.Михайлова посвящена не истории литературы, о которой мы ведём речь, а теории литературы. Учёный здесь отстаивает идею о том, что теория литературы не может и дальше рассматривать литературу и феномены, из которых она складывается, в метафизическом статусе «вообще». Ему, как и многим литературоведам его поколения, уже с 70-х годов прошлого века становилось всё более ясно, что нет «литературы вообще», «литературы как таковой», как нет «слова вообще», «автора вообще», «жанра как такового», «стиля в принципе» и т.п. Каждая большая эпоха создаёт свой словарь литературоведческих терминов. Смена эпох – это смена природы литературы и составляющих её феноменов, – следовательно, и смена значений понятий, которыми обозначаются эти феномены. Эта идея с той поры медленно, но уверенно завоевывает себе сторонников и находит всё более чёткие концептуальные оформления. И ныне уже многим понятно, что специфика истории литературы заключается вовсе не в том, чтобы рассматривать в процессе «движения во времени и пространстве» те вещи, которые теория литературы рассматривает, абстрагируясь от времени и пространства.

Когда история литературы начала ощущать, что ей не хватает теоретичности, теория литературы начала понимать, что ей крайне недостаёт историзма. Но если история литературы обретёт теоретичность, а теория – историзм, то не станут ли они тождественными? не сольются ли они в единую науку – не то в историческую теорию литературы, не то в теоретическую историю литературы? Свидетельства именно такого процесса мы находим в работах наиболее авторитетных отечественных литературоведов уже с 60-х годов – М.И.Стеблина-Каменского, Б.О.Кормана, Д.С.Лихачёва, Ю.М.Лотмана, С.С.Аверинцева, В.И.Крекотня, Г.М.Сивоконя, Д.С.Наливайко, ряда других и даже в трудах их выдвигавших предшественников – М.М.Бахтина, В.М.Жирмунского, Г.А.Гуковского, А.И.Белецкого. В 1973 г. выходит в свет книга Д.С.Лихачёва «Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили», которая открывается словами: «В данной работе я стремлюсь дать некоторые обобщения для построения будущей теоретической истории русской литературы X–XVII веков» (6, 24). Будущее нашей науки выдающийся медиевист видел в синтезе истории и теории литературы. Впрочем, почему «будущее»? Сможет ли кто-нибудь убедительно доказать, что Д.С.Лихачёв (или кто-нибудь из названных выше учёных) был именно историком или именно теоретиком литературы? Чем выше поднимается литературовед над уровнем ординарности, тем менее возможно сколько-нибудь уверенно отнести его к историкам или теоретикам литературы. А если так, то существуют ли «в чистом виде», отдельно история литературы и теория литературы? Сегодня, на мой взгляд, этот вопрос кажется надуманным только Высшей аттестационной комиссии, по-прежнему требующей чётко разграничивать литературоведческие специальности. Но когда и почему возникла сама идея их автономного существования?

Литературоведение как наука рождается в середине XIX века, когда заканчивается власть риторики, бывшей законодательницей над всей словесностью на протяжении целой эры продолжительностью почти в два с половиной тысячелетия, эры от Платона и Аристотеля до Канта и Гегеля. Первая половина XIX века – время бурной дифференциации наук. Переживает этот процесс и филология, разделяясь на лингвистику и литературоведение. Молодое литературоведение в поисках методологического основания обращается к разным наукам. Обращение к эстетике породило понимание литературного произведения и подход к нему как к произведению искусства. Плодотворность такой методологии засвидетельствовали лучшие работы В.Г.Белинского. Но позитивистскому мышлению одного прекрасного в искусстве было

мало. Во 2-й половине XIX в. в европейском и русском литературоведении господствует культурно-историческая школа, для которой произведение искусства – документ истории общества, как для сторонников популярного тогда биографического метода – документ биографии художника. Не успев сформировать свою собственную, органичную для себя методологию, литературоведение начинает заимствовать методологию, систематику, идею развития у естественных наук, которые тогда переживали бурный расцвет и чьи успехи казались столь очевидными. Заимствуя всё это в своём стремлении стать «настоящей», «полноценной» наукой, литературоведение не замечало того, что естественные науки изучают феномены первой, сотворённой Богом, природы, естество которых принципиально неизменно, тогда как произведения литературы относятся ко второй, созданной человеком, природе (культуре), сама субстанция которой может радикально меняться. Тогда-то, думаю, литературоведение и заимствовало идею самостоятельного существования теории как исследования неизменной природы соответствующих феноменов и истории как описания и систематизации эмпирических фактов и закономерностей. Только в 70-е годы прошлого века наше литературоведение поднимается до понимания работ М.М.Бахтина и начинает осознавать то, что литературоведение может иметь собственные, выработанные из себя и органичные для себя методологию, систематику, идею развития.

Может, именно работы М.М.Бахтина помогли А.В.Михайлову прийти к важному для нас выводу: «... науке о литературе следует остерегаться перенимать что бы то ни было в *готовом* виде из других наук и следует стремиться разглядеть все именно так и именно в том свете, как и в каком просматривается все с *ее* стороны. При этом следует сверяться с тем, что происходит в других науках. А то общее и предшествующее разделению научных дисциплин (которое лишь относительно) выявится при этом с большей ясностью. Наука о литературе должна, таким образом, смотреть за тем, что и как видно с ее позиции, и это относится и к самым общим «вещам», таким, как время, пространство, история, число – обо всем этом наука о литературе может сказать нечто такое, что может знать только она одна, и то, что она скажет, будет непременно соотноситься с физическими, математическими и прочими представлениями о всех таких «вещах»» (5, 255).

Хочется думать, что именно постепенное осознание этой идеи и вызвало на западе отказ литературоведения от чёткого разделения на теорию и историю литературы. Наша наука, как ни старалась, не смогла придти к обоснованному и чёткому их различению и, намучившись, утратила интерес к этой проблеме, начав откровенно игнорировать её. В данном случае это следует, думаю, оценивать положительно. Утрата иллюзии, которая изначально была губительной *idée fixe* литературоведения, поможет ему скорее понять свою истинную сущность.

Конец прошлого столетия стал временем, когда литературоведение ощутило и более-менее ясно осознало чужеродность многого того в себе, что оно когда-то заимствовало у других наук, и потребность выработать вместо этого чужого своё, собственное, органичное. Как только оно сможет это сделать, оно сможет решить и проблему истории литературы.

1. Ткаченко А.О. Мистецтво слова: Вступ до літературознавства. – 2-е вид., випр. і доповн. – К., 2003.
2. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. – М., 1978.
3. Pechlivanos M., Rieger S., Struck W., Weitz M. Úvod do literární vědy.- Praha, 1999.
4. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI-XX вв. – Одесса, 1997.
5. Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы / Литературоведение как проблема. – М., 2001.
6. Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили / Лихачёв Д.С. Собр. соч.: В 3-х т. - Т.1. – Л., 1987.